

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КИТАЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЕГО БЫСТРОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Е.Н. Самбурова,

*кандидат географических наук, доцент географического факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова*

Рост экономики и внешнеэкономических связей Китая

КНР – единственная страна, которой удается на протяжении уже многих лет сохранять темпы роста ВВП на уровне выше 8% в год. Не стал исключением и кризисный 2009 г. В 2010 г. по объему ВВП как по ППС – 10,1 трлн долл. США, так и по текущему валютному курсу – 5,75 трлн долл. Китай занял второе место в мире, уступая только США [11]. На Китай приходится более 13% мирового ВВП (по ППС), что делает его третьей доминантой в мировом хозяйстве наряду с ЕС-27 (20%) и США (19,5%).

В недалеком будущем Китай обойдет США по экономической мощи – в этом сходятся различные прогнозы, называющие лишь разные даты в зависимости от характера используемых методов и показателей. В частности, по прогнозам Goldman Sachs, Китай сможет выйти на первое место по ВВП (по валютному курсу) в 2027 г., но при условии, если ему удастся избежать кризисов перепроизводства. А по прогнозу американской аналитической службы HIS Global Insight, уже в 2011 г. Китай станет мировым лидером по производству промышленной продукции, оттеснив на второе место США, которые занимали первое место по этому показателю 110 лет. В 2009 г. на США приходилось 19,9% мирового промышленного производства, а на Китай – 18,6% [21].

Масштабы экономики Китая сегодня столь значительны, что даже экономики его административных единиц по своей величине могут быть сопоставимы с экономиками большинства стран мира. Так, ВВП

16 из 23 провинций Китая превышает ВВП Украины (2009 г.), ВВП провинций Гуандун (по валютному курсу) примерно соответствует показателю Индонезии, провинций Цзянсу и Шаньдун – Швейцарии, а провинции Чжэцзян – Греции [10].

Огромные масштабы населения и экономики отдельных регионов Китая позволяют говорить о нем не просто как о гиганте, а как о супергиганте, объединяющем разные миры. Как пишет Л.Н. Гумилев, «такие наименования, как «китайцы» или «индусы», эквивалентны не «французам» или «немцам», а западноевропейцам в целом, ибо являются системами этносов, но объединенных на других принципах культуры...» [2].

Высокие темпы роста были обусловлены верно избранной руководством страны на начальном этапе реформ моделью экономического роста, которая базировалась на «определяющей роли государства в создании рыночной среды, макроэкономическом регулировании, непосредственном распределении ресурсов, опоре на иностранный капитал (для обновления технологий, расширения экспорта, накопления валютных ресурсов), экспортной ориентации экономики» [5].

Экономический рост все годы после начала реформ опирался на еще более высокую динамику наращивания внешнеэкономических связей, особенно после вступления Китая в ВТО в конце 2001 г. Этот рост неразрывно связан с привлечением в страну иностранного капитала, развертыванием сборочных производств и развитием аутсорсинга. С последними связано около половины всего экспорта и 2/3 импорта. С 2009 г. Китай

переходит от политики ограничения импорта и стимулирования экспорта к политике достижения баланса между экспортом и импортом. Рост внешнеторгового оборота и высокая экспортная и импортная квоты отражают растущую включенность Китая в мировое хозяйство (табл. 1).

дарств и регионов мира от китайских поставок. Конечно, следует иметь в виду, что значительная часть этой продукции произведена на совместных предприятиях с участием американских, европейских и японских ТНК, но это и «овеществленный» экспорт китайского труда и капитала.

Таблица 1

Развитие внешней торговли Китая

Год	ВВП, млрд долл. США	Оборот внешней торговли, млрд долл. США	Экспорт		Импорт		Сальдо млрд долл. США
			млрд долл. США	% к ВВП	млрд долл. США	% к ВВП	
1978	211,3	20,7	9,8	4,6	10,9	5,2	-1,1
1990	424,4	115,4	62,1	15,9	53,4	12,6	8,7
2000	1080,3	474,3	249,2	23,1	225,1	20,8	24,1
2005	2257,5	1422,1	761,9	33,7	660,1	29,2	101,8
2008	4339,2	2561,6	1428,5	32,9	1133,1	26,1	295,4
2009	4911,3	2207,2	1201,7	24,5	1005,5	20,5	196,2

Источник. [16].

Процессы глобализации и формирование международного производства, обусловившие возможности размещения звеньев цепочки создания добавленной стоимости в разных странах, привели к тому, что Китай оказался встроен в экономическую систему мирового хозяйства.

Имея выдающиеся позиции в производстве многих видов промышленной и сельскохозяйственной продукции, Китай является их крупнейшим поставщиком на зарубежные рынки (табл. 2).

Высокая доля Китая в импорте многих видов продукции ряда стран, в частности трудоемкой продукции легкой промышленности, электроники, электротехники, отражает высокую степень зависимости многих госу-

дств, трудолюбие, способность к тщательной монотонной работе китайских рабочих дают КНР конкурентные преимущества. В конце первого – начале второго десятилетия XXI в. в результате роста доходов китайского населения появилась опасность потери этого сравнительного преимущества. В результате некоторые ТНК начали переносить трудоемкие стадии производства в такие страны Юго-Восточной Азии, как Бангладеш, Вьетнам, где зарплата намного ниже, чем в КНР.

Однако можно отметить ряд факторов, которые, по-видимому, позволят Китаю сохранить свои сравнительные преимущества в этой области. Диспропорции в уровнях доходов сельского и городского населения, населения внутренних и приморских районов приводят к тому, что есть значительный потенциал сравнительно дешевой рабочей силы, особенно если учитывать разницу в численности населения между Китаем и его конкурентами. Различия в оплате труда в приморье, где сконцентрирована основная часть экспортных производств, и во внутренних районах – одна из главных причин, вызывающих массовые миграции.

Таблица 2

Доля Китая в импорте некоторых видов продукции США, ЕС и Японии в 2009 г., %

Страны и регионы	Офисное и телекоммуникационное оборудование	Одежда
ЕС (27)	21,5	23,8
США	42,8	39,1
Япония	45,0	82,9

Источник. [9].

Число мигрантов в Китае оценивается примерно в 225,42 млн, в том числе 62,3% (140,41 млн) работающих за пределами родной провинции (конец 2008 г.), т. е. это примерно соответствует населению России [8]! В основном, это сельские жители Центрального и Западного Китая, отправляющиеся на поиски работы в экономически более развитые приморские провинции. Имея крайне низкие доходы в своих деревнях, они готовы работать за сравнительно низкую зарплату в восточных провинциях. Доля мигрантов в населении городов составляет около 20%, а, например, в таких городах, как Дунгуань, Шуньдэ и Наньхай (экспортные промышленные центры в дельте реки Чжуцзян), мигрантов больше, чем официально зарегистрированных городских жителей [13]. Хотя в период финансово-экономического кризиса сокращение экспортного производства, концентрирующегося в приморском регионе, привело к возвращению части мигрантов на родину в провинции Центрального и Западного Китая (около 25 млн чел.), поток мигрантов из внутренних районов сегодня восстанавливается, а скорость создания новых рабочих мест будет по-прежнему высока.

При общей глубокой вовлеченности Китая в глобальное разделение труда его территория сильно дифференцирована с точки зрения участия в мирохозяйственных процессах. Особо выделяется Сянган – «специальный административный район» КНР, глобальный город, финансовый центр, играющий роль «окна» Китая в мир. Идет интенсивный процесс становления глобальных городов Пекина и Шанхая. На территории Китая создана система территорий интенсивной внешнеэкономической деятельности с различными льготными условиями для иностранного капитала и внешней торговли. В их числе 5 специальных экономических зон (Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу, Сямэнь, Хайнань, а также Новый район Пудун), 32 зоны экономического и технологического развития (в Пекине, Шанхае, Гуанчжоу, Тяньцзине и др.), 15 зон свободной торговли, 14 зон приграничного экономического сотрудничества. Доля первых 4-х СЭЗ (Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу, Сямэнь) в экспорте составляет около

20%, а в экспорте высокотехнологических продуктов превышает 50% (2008 г.).

В приморских провинциях Китая, где сконцентрирована основная часть предприятий с участием иностранного капитала и, соответственно, экспортная база КНР, реализована экспортоориентированная модель экономики. Уровень втянутости этих провинций во внешнюю торговлю и в движение иностранных инвестиций значительно выше, чем в среднем по КНР. Здесь сформировались целые кластеры предприятий – подразделений крупнейших мировых ТНК, и именно эти территории оказались встроенными в международное производство, в международные цепочки создания ценностей. Следовательно, приморские провинции получают основные дивиденды от участия в международных связях и характеризуются наиболее высокими темпами роста, но они же и в наибольшей степени подвержены влиянию конъюнктуры мирового рынка.

Различия в уровне развития регионов

Бурное развитие по выше упомянутой модели вызвало рост регионального диспаритета. В 2001 г. разрыв показателей валового регионального продукта (ВРП) на душу населения между самым развитым регионом Шанхаем, и самым отсталым – провинцией Цинхай составил 10,5 раза по сравнению с 7,5 раза в середине 90-х годов, а к 2003 г. разрыв между лидером КНР по уровню экономического развития Шанхаем и самой отсталой провинцией Гуйчжоу возрос до 13 раз. В 2008 г. разрыв между ними несколько сократился до 8,2 раза, что связано с влиянием мирового экономического кризиса, затронувшего в первую очередь экспортоориентированные приморские регионы страны.

Как и в России, в КНР различия между показателями ВРП на душу населения существенно меньше, чем различия в ВРП на 1 кв. км, что подчеркивает гигантскую пространственную неоднородность освоения этих стран. ВРП на 1 кв. км территории в пров. Цзянсу в 804 раза превышает показатель Тибетского автономного района [20].

Сопоставление ВРП на душу населения показывает: у 13 административных единиц душевой показатель превышает среднекитайский, причем среди них 10 – приморские провинции и города центрального подчинения. Высокий уровень концентрации экономической жизни в Восточном регионе отражает и то, что на три крупнейших по объему ВРП провинции (Гуандун, Цзянсу, Шаньдун) приходится 29,7% ВВП страны, а на пять (включая пров. Чжэцзян и Хэнань) – свыше 40% (2008 г.), причем все эти провинции за исключением пров. Хэнань являются приморскими. В отличие от России, где наряду со столичным регионом выделяются сырьевые, особенно нефте- и газодобывающие, в КНР это провинции с многоотраслевой структурой хозяйства, выделяющиеся производством готовой продукции, в первую очередь трудоемкой. У 5 административных единиц – а это почти 15% всех административных единиц КНР – ВРП менее 1% от среднекитайского показателя [20].

Благодаря интенсивному использованию внешних факторов развития экономики в период экономических реформ (активному включению во внешнюю торговлю, созданию «специальных экономических зон» и масштабному привлечению прямых иностранных инвестиций), отрыв приморских провинций по уровню развития от внутренних районов страны еще в большей степени усилился. Во взаимодействии с мировым хозяйством в наибольшей степени вовлечен именно приморский регион. Уровень концентрации внешней торговли в приморских провинциях очень высок: лишь на три приморские административные единицы – провинцию Гуандун, Шанхай и провинцию Цзянсу – пришлось 54,5% всего внешнеторгового оборота в 2008 г., хотя по сравнению с 2000 г. он немного снизился, было 57%. В пределах приморского региона идет заметное перераспределение внешнеторгового оборота: снижается доля Юга – пров. Гуандун (с 35 до 27% за 2000–2008 гг.), но растет доля его центральной части [20].

Не менее существенна дифференциация провинций по использованию прямых иностранных инвестиций: на Восточный регион приходится 79% всех реализован-

ных ПИИ, на Центральный – около 7, а на Западный – немногим более 4, нераспределенные инвестиции – 10% (2007 г.) [19]. На этом фоне глубинные регионы Китая хронически отстают.

Известный китайский экономист Ху Аньган выдвигает концепцию «единый Китай и четыре мира», в соответствии с которой обострение региональной дифференциации расценивается им как раскол единого Китая на четыре обособленных мира. К «первому миру» с наибольшими показателями ВВП на душу населения он относит города центрального подчинения Пекин, Шанхай и «специальную экономическую зону» Шэньчжэнь, ко «второму миру» – большинство провинций восточной части страны, к «третьему миру» – провинции Хэйлунцзян, Цзилинь, Хэбэй, Шаньдун, Хайнань, Хубэй, Гуанси-Чжуанский автономный район и Синьцзян-Уйгурский автономный район. Все остальные регионы внутреннего Китая отнесены им к «четвертому миру», где ВВП на душу населения по ППС не превышает 2000 долл. США. В «третьем» и «четвертом» мирах проживает $\frac{3}{4}$ населения Китая [17].

Исторические и культурно-экономические особенности регионов

Современные провинции Китая – административные единицы самого высокого уровня – в основном сложились в эпоху Мин (1368–1644 гг.), и их история насчитывает более 600 лет [18]. Особенности хозяйственно-культурных комплексов провинций, быта, культуры, менталитета, существенные различия в диалектах китайского языка при единой иероглифической письменности, отличия антропологических признаков – все это позволяет представить Китай как конгломерат регионов. Особенно велики расхождения между регионами «собственно Китая» и автономными районами, где проживают представители неханьских национальностей. Именно эти регионы отстают от приморской зоны наиболее сильно.

По территории Китая проходят цивилизационные разломы: между китайской цивилизацией и исламской на северо-западе, буддийской на юго-востоке, право-

славной на северо-востоке. По терминологии В.Л. Цымбурского, такие территории, как Синьцзян, Внутренняя Монголия, это «лимесы», т. е. неустойчивые окраины соответствующих цивилизационных платформ [6]. Это «переходные» территории, в пределах которых проявляются признаки как цивилизационного ядра, к которому тяготеет «лимес», так и свойства ядра соседней цивилизации. Так, Синьцзян населен и уйгурами, и ханьцами – конфуцианцами и буддистами, причем градиент – доля нетитульной нации – убывает по мере удаления от границ цивилизационного ядра. Межцивилизационность этих территорий проявляется и через эффект идеологической и культурной «поляризации» на стыках с соседними ядровыми платформами цивилизаций. Например, для уйгуров, как отмечает В.Л. Цымбурский, и ислам, и арабское письмо, которое они чуть ли не последними из тюрков сохраняют и сегодня, сделались важнейшими компонентами мощной «культуры сопротивления» Китаю. Несмотря на политику китаизации, стимулирования миграций ханьцев на запад, в результате чего лишь Тибет сохранил доминирующее значение титульной нации (свыше 90% населения автономного района – тибетцы), неханьские народы расселены по территории, составляющей 2/3 всей площади Китая.

Гетерогенность китайского экономического пространства, чересполосица хозяйственно-культурных типов осложняют проблему сохранения территориального единства страны. Многонациональное население китайских окраин обладает абсолютно иной ментальностью по сравнению с населением приморья, где традиционные устои подверглись существенной эрозии под воздействием привнесенного западного влияния. Тибетцы и монголы, уйгуры и хуэй исповедуют соответственно ламаизм и ислам, преобладающая их часть – сельские жители, обладающие низкой миграционной подвижностью, медленно адаптирующиеся к инновациям. Во внутренних регионах Китая встречаются островки абсолютной бедности, где годовой доход не превышает 200 долл. США на человека. В центральных и западных провинциях КНР сосредоточено

90% всех бедных уездов и 80% бедного населения.

Отрыв административных единиц Приморского региона от остальной территории страны по уровню экономического развития формирует «экономический разлом», поскольку это территориально единый регион, экономика которого к тому же развивается под сильным воздействием внешних факторов. Хозяйственные связи приморья с другими странами отличаются высокой интенсивностью; так же, как и после «опиумных войн» в XIX в., восточная часть Китая по-прежнему «повернута спиной» к внутренним районам. Концентрация провинций и городов центрального подчинения с относительно более высоким уровнем развития в приморье и отсутствие таковых во внутренних регионах усиливают угрозу «экономического раскола» КНР.

«Экономический разлом» порождает и «политический разлом» – возникли серьезные противоречия между региональными элитами и между регионами и политическим Центром. По мнению В. Михеева, «это усиливает в Китае центростремительные тенденции вплоть до сепаратизма и порождает политические разногласия внутри китайского руководства...» [4]. «Группа Цзяна» (Цзян Цзэминя, который был Председателем КНР с 1993 по 2003 г., но его группа сохранила определенные позиции во властных структурах), которую также называют «шанхайской группировкой» в первую очередь опирается на бизнес-элиты приморских провинций, в том числе «специальных экономических зон», т. е. территорий, которые выиграли от быстрого экономического роста и, соответственно, заинтересованы в сохранении высоких темпов развития. «Группа Ху-Вэня» (Ху Цзиньтао – Председатель КНР с 2003 г., Вэнь Цзябао – с 2003 г. Премьер Госсовета КНР) выступает за продолжение экономических реформ, но ее поддерживают преимущественно бизнес-элиты внутренних провинций. Эта группа получает все более весомую поддержку, поскольку исходит из необходимости первоочередной борьбы с нежелательными социальными последствиями, допуская более умеренные показатели экономического роста.

*Пути преодоления региональных
«разломов»*

«Этно-культурный разлом», «экономический разлом» и «политический разлом» могут способствовать формированию предпосылок для возникновения угроз территориальной целостности и социально-экономической стабильности, однако китайское руководство предпринимает целенаправленные усилия, направленные на преодоление возможных угроз. Более того, на современном этапе в Китае успешно используют преимущества, которые дает большое пространство и громадный рынок страны.

Сама по себе большая территория представляет собой ресурс развития, который был использован в ходе экономических реформ, проводимых в КНР (с 1979 г.). Следует особо подчеркнуть, что китайское руководство осознавало те возможности, которые дает огромная территория, и в то же время те сложности, которые с этим сопряжены, и сохраняло контроль над региональными процессами.

Один из факторов, обеспечивающих стабильное развитие экономики страны, – «центро-периферическая модель» пространственного устройства экономики Китая. Наиболее развитые в экономическом отношении приморские провинции и города центрального подчинения образуют «центр»; административные единицы Северо-Западного и Юго-Западного Китая представляют собой «периферию», а Центральный Китай и некоторые административные единицы Запада (пров. Сычуань, Ганьсу, Синьцзян) становятся «полупериферией». Следует подчеркнуть абсолютное несовпадение географического и экономического центров страны, так как экономический центр резко сдвинут к востоку. Наличие собственной «периферии», что обусловлено неодинаково освоенной огромной территорией, создает предпосылки большей устойчивости модели пространственного развития: «центр» не может без «периферии», а «периферия» – без «центра».

Так, значительная часть сырья в приморье поступает из регионов «периферии»: растет доля внутренних районов в поставках газа, нефти, угля, хлопка и т. д. Даже при условии растущего сырьевого импорта

экономика приморья не смогла бы обеспечить сырьем динамично развивающееся хозяйство. Огромная армия мигрантов (до 150 млн чел.) из сельской местности внутренних районов Китая позволяет сохранить сравнительные преимущества страны в обеспеченности дешевой рабочей силой. Рост заработной платы в приморской зоне и, соответственно, снижение рентабельности производства трудоемких товаров потребовало специальных мер по стимулированию миграций из села в город. Этому способствовали изменения в системе «хукоу»: если изначально с момента введения этой системы решалась проблема предотвращения массовой миграции крестьян из села в город и сменить место жительства было крайне сложно, то с 90-х годов, когда развитие китайской экономики потребовало привлечения в города низкооплачиваемых сельских рабочих, было введено временное разрешение на работу в городе, которое мог купить каждый желающий. Мигранты из внутренних районов КНР играют ту же роль, что и мигранты из развивающихся стран в крупных городах развитых стран мира. Сегодня ставится вопрос о дальнейшей либерализации рынка труда, хотя ограничения сохраняются и в будущем, иначе процессы «ложной урбанизации» приведут к бурному строительству трущоб и изменению облика китайских городов. В то же время «периферия», внутренние районы, зависит от централизованных инвестиций, нововведений, которые обеспечивает «Центр».

Разнообразные региональные условия позволили Китаю осуществлять экономическую реформу по принципу «переходить реку, нащупывая камни», проводя эксперименты сначала на ограниченной территории, а затем распространяя преобразования на всю территорию страны. Причем часто хозяйственные эксперименты разного типа проводятся одновременно на территории нескольких регионов. В силу разнообразия хозяйственной среды регионов формируются экономические структуры, имеющие специфические черты. Примером здесь может служить реформа финансовой системы, начавшаяся в 80-е годы. Концепция этой реформы отрабатывалась в ходе эксперимен-

тов в провинциях Сычуань и Цзянсу. В Цзянсу доходы всех предприятий сначала концентрировались в местном бюджете, а затем какая-то доля из него вносилась в центральный бюджет. В сычуаньском эксперименте в основу был положен принцип хозяйственной подчиненности предприятий: предприятия центрального подчинения выходили по платежам на центральный бюджет, а хозяйственные единицы местного подчинения – на местный. В 1980 г. почти все провинции были переведены на финансовую систему «раздельного питания»: в большинстве провинций принята система, разработанная в ходе сычуаньского эксперимента, но исключения были сделаны для городов центрального подчинения – Пекина, Тяньцзиня и Шанхая, которые оставались под жестким бюджетным контролем, и двух провинций южного Китая – Гуандун и Фуцзянь, получивших значительные финансовые привилегии, а также отсталых регионов национальной автономии, в отношении которых сохранилась система дотаций [3].

В ходе реформы уровень зависимости от центральной власти сыграл значимую роль. Фактор удаленности от политического Центра на первых этапах преобразований – по принципу «небеса высоко, император далеко» – создал преимущества для опережающего развития Юга Китая (пров. Гуандун и Фуцзянь), поскольку эти провинции пользовались большей самостоятельностью.

На современном этапе меняется парадигма экономического развития Китая и на первый план выходит использование других факторов, связанных с большой территорией и региональной дифференциацией Китая. Рост ВВП должен обеспечиваться не только благодаря быстрорастущим внешнеэкономическим связям, но и за счет обширного и растущего вслед за увеличивающимися доходами внутреннего спроса.

Внутренний спрос КНР отличается высокой степенью дифференциации, причем не только по социальным стратам, но и по территории. Различия в уровне жизни населения и в отраслевой структуре хозяйства районов страны определяют спрос на различные виды продукции в разных ценовых сегментах. Такая дифференциация

спроса создает предпосылки для развития разномасштабных, многообразных производств, в том числе как современных крупных предприятий, так и небольших предприятий в сельской местности внутренних районов. Столь емкий и сегментированный спрос создает условия для большей устойчивости экономики страны.

Руководство Китая в ходе реформы уделяло большое внимание и социальным факторам, возможность использования которых во многом связана с огромной и дифференцированной с социально-экономической точки зрения территорией страны. Пространственно неоднородная социальная стратификация общества дала возможность на каждом этапе реформы находить социальные слои, которые готовы поддержать преобразования. На начальном этапе, когда мероприятия реформы касались в первую очередь сельского хозяйства, уровень жизни деревни существенно вырос, и именно крестьяне, почувствовав на себе результаты преобразований, активно их поддерживали. Сегодня основной акцент делается на формирование среднего класса – именно в нем китайское руководство видит ключевое звено, обеспечивающее дальнейший ход реформы. По данным китайских социологов, благодаря среднему классу, составляющему 23% населения страны, быстро растущему прежде всего в приморских крупных городах, увеличивается и общий объем внутреннего спроса [15].

Для противостояния угрозам и рискам, связанным с огромными масштабами страны, государство использует различные политические и экономические механизмы. Один из наиболее дискутируемых вопросов – федерализация Китая. Китай остается единственной крупной страной, не являющейся федерацией. В то же время, учитывая, что, по Т. Джефферсону, это «территориальная форма демократии», при нынешнем уровне недемократичности и закрытости политического режима в КНР перспективы становления федерации пока весьма туманны. Учеными-политологами даются диаметрально противоположные оценки современной ситуации – от «фрагментированного авторитаризма» до «реальной федерации». Сторонники того, что в КНР реализована федератив-

ная модель, исходя из того, что действует модель «одна страна – две системы» для Сян-гана и Аомыня, включенных соответственно в 1997 и 1999 гг. в состав КНР на правах «специальных административных районов» с высокой степенью автономии; определенные, хотя и весьма отдаленные, перспективы имеются и для Тайваня, создана система «национальных автономий». Рядом исследователей утверждается, что сложившееся отношения между Центром и провинциями можно рассматривать как «реальный федерализм» (см., например, [14]).

При этом рассматриваются различные модели федерализации Китая, например асимметричная федерализация – жесткая на территории Собственно Китая и конфедерация для Тибета, Синьцзяна и Внутренней Монголии, а также Сянгана, Аомыня и Тайваня [12]. Однако очевидно, что при такой модели сохранить целостность страны вряд ли удастся. Жесткий контроль над национальными районами, подавление с использованием военной силы любых проявлений стремления к независимости, активная китаизация автономных районов путем стимулирования массовых миграций ханьцев и предоставления им лучших условий работы – все это делает весьма сомнительной возможность политической федерализации Китая.

В то же время в Китае, по сути, в значительной степени осуществлена экономическая федерализация. Реформа бюджетной системы КНР, начатая в 1994 г., продолжается до сих пор. Особенностью бюджетной системы Китая является существенный разброс в бюджетных потенциалах регионов: за годы 10-й пятилетки на первые 10 регионов приходится около 70% в общей величине собранных налогов (в том числе на первые 5 – Пекин, Гуандун, Цзянсу, Шанхай, Шаньдун – 46%), а на последние 10 – лишь 6,3%. Формирование местных бюджетов происходит за счет следующих источников: местных налогов и налогов, которые делятся в определенной пропорции между центральным и местным бюджетами; возврата части налогов, перечисленных в центральный бюджет; трансфертов из центрального бюджета; внебюджетных доходов мест. Рост самостоятельности регио-

нов определяется ростом их доли в расходах при сохранении высокой доли Центра в доходах. В 1978 г. доля Центра в доходах была крайне низка – лишь 15,5%, затем увеличилась к 1985 г. до 38,4% и вновь упала до 22% в 1993 г. (табл. 3). После начала реформы бюджетной системы в 1994 г. она поднялась до 55,7% и продолжает оставаться

Таблица 3
Соотношение центральных и местных бюджетов, %

Год	Доходы		Расходы	
	Центр	Места	Центр	Места
1978	15,5	84,5	47,4	52,6
1993	22,0	78,0	28,3	71,7
1994	55,7	44,3	30,3	69,7
2000	52,2	47,8	34,7	65,3
2006	52,8	47,2	24,7	75,3
2008	53,3	46,7	21,3	78,7

Источник. [20].

примерно на таком же уровне до настоящего времени.

Доля регионов в расходах очень высока (в 2008 г. – 78,7%) и продолжает расти. В то же время контроль Центра над бюджетными потоками не ослаб, так как возросла зависимость местных властей от возврата налогов и других видов дотаций. Лидером по объему бюджетных расходов является пров. Гуандун, далее при существенном отставании следуют г.ц.п. Шанхай, пров. Цзянсу и Шаньдун.

В ходе реформы формирование местных бюджетов весьма осложнилось: важным источником их пополнения стали бюджетные трансферты. Возросло количество видов трансфертов из центрального бюджета в местные: это перечисления по сохранившимся контрактным обязательствам, компенсация провинциям их финансовых потерь после реформы 1994 г., специальные дотации на развитие новых технологий, специальные дотации конъюнктурного характера (борьба с нищетой, стихийными бедствиями и т. д.), дотации районам национальной автономии [3].

В рамках реализации Программы по освоению Западных районов (с 1999 г.) осу-

ществляется постепенное наращивание бюджетного дотирования отстающих регионов, особенно регионов компактного проживания национальных меньшинств. Причем государственная поддержка депрессивных районов не ограничивается прямыми бюджетными дотациями. Так, при реализации плана ликвидации бедности в 1993–2000 гг. финансирование осуществлялось по трем каналам: как специальная статья госбюджета, в форме снижения процента по займам получателям из отсталых регионов, как средства специального фонда – «товары вместо займов».

* * *

В заключение следует подчеркнуть, что, в целом, углубление диспропорций в развитии регионов Китая рассматривается китайским руководством как одна из главных проблем, выявившихся в ходе экономической реформы после 1978 г. Реакция руководства Китая на происходящие процессы на пространстве страны выражается в особенностях региональной политики, направленной на сглаживание межрегиональных различий.

На первом этапе (80-е годы) региональная политика осуществлялась под лозунгами «Пусть одни регионы богатеют раньше, чем другие», а приморский регион рассматривается как «локомотив развития», т. е. опережающее развитие Востока не только не тормозилось, а, наоборот, стимулировалось.

На втором этапе (90-е годы) в связи с усилением региональных диспропорций китайское руководство отказалось от поддержки ускоренного роста Востока. Однако благодаря «диффузии режима открытости» – созданию системы «открытых городов» и «открытых районов» и воздействию других внешнеэкономических факторов, разрыв сохранялся и даже углублялся. Главное внимание уделялось использованию бюджетных рычагов: в результате налоговой реформы был осуществлен переход в распределении налогов от «питания из одного котла» к «питанию из разных котлов», т. е. к дифференциации источников формирования местных и государственного бюджетов.

На третьем этапе проводимой региональной политики с начала XXI в. государство начало предпринимать усилия, направленные на развитие внутренних районов страны. Приняты и осуществляются программы «Идти на Запад» (развития западных провинций КНР), «Возрождение старопромышленного Северо-Востока». Большое внимание уделяется формированию горизонтальных объединений провинций: «Вокруг залива Бохайвань», «Объединение Южного Китая». Для того чтобы нивелировать значение усиливающих неравенство внешних факторов, выравниваются нормативные условия развития регионов. Так, с 2007 г. отменены налоговые льготы для предприятий с иностранным капиталом и введены единые ставки налога на прибыль – 25% по всему Китаю.

Несмотря на предпринимаемые усилия, китайскими регионалистами прогнозируется сохранение глубоких диспропорций в территориальной структуре хозяйства Китая в ближайшей перспективе. Втянутость КНР в процессы международного разделения труда не позволяет ограничить воздействие внешнеэкономических факторов, которые ведут к воспроизводству территориального неравенства. Осознавая эту проблему, китайское руководство по завершению 4-й сессии Всекитайского собрания народных представителей в марте 2011 г. объявило о трансформации модели экономического развития в 2011–2015 гг., которая будет делать упор не на поддержание высоких темпов экономического роста, а на повышение его качества и эффективности, сокращение накопившихся в стране диспропорций и неравномерностей, включая региональные [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Габуев А.* Пятилетка качества жизни // Коммерсантъ. 2011. 15 марта.
2. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М., 2006.
3. *Кондрашова Л.И.* Региональный аспект бюджетной системы КНР // Вестник научной информации. ИЭ РАН. 2008. № 2.
4. *Михеев В.* Китайская головоломка // Pro et Contra. 2005. Ноябрь–декабрь.

5. У Ду. Китай: Движение к государству инновационного типа // Человек и Труд. 2009. № 7. Режим доступа: http://www.chelt.ru/2009/7-09/udi_709.html
6. Цымбурский В.Л. Россия – Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М., 1999.
7. Chang G.G. The Final Liberalization of the Renminbi // Forbes. 13.02.2011.
8. Chen Yu-Fu, Michael Funke. China's New Labour Contract Law: No Harm to Employment? // BOFIT Discussion Papers 29, Helsinki: Bank of Finland, 2008.
9. *International Trade Statistics, 2010*. Режим доступа: wto.org/Statistics
10. en.wikipedia.org
11. *World Economic Outlook Database*. Режим доступа: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2010/02/weodata/index.aspx>
12. Yan Jiaqi. Towards the Federal Republic of China. China Now, 143. 1992, 14-15.
13. Zhao Litaο, Huang Yanjie. Unemployment and Social Instability in China: will they run out of control? // Centre for East Asian Studies, University of Hong Kong. 2009. 11 марта.
14. Zheng Yongnian «De Facto Federalism in China. Reforms and Dynamics of Central-Local Relations», Singapore, 2007.
15. Жэньминь жибаο. 02.02.2010. Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31521/6885926.html>
16. Хайгуань тунци (Таможенная статистика КНР). Пекин, 2010.
17. Ху Аньган. Чжунго ды чжаньлюэ (Генеральная стратегия Китая). Ханчжоу, 2003. С. 182.
18. Ху Чжаолян. Чжунго цюйюй фачжань даолунь (Пособие по региональному развитию Китая). Пекин, 2000. С. 40.
19. Чжунго тоуцзы чжинань (Инвестиции КНР). Режим доступа: www.fdi.gov.cn
20. Чжунго тунци няньцзянь (China Statistical Yearbook), 2010. Пекин, 2010.
21. <http://www.ihslobalinsight.com>

Материал поступил 13.04.2011 г.